

Станюкович Константин Михайлович

**Вокруг света на "Коршуне":
В 2 частях**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
К65

К65 **Константин Михайлович С.**
Вокруг света на "Коршуне": В 2 частях / Станюкович Константин Михайлович – М.: Книга по Требованию, 2022. – 550 с.

ISBN 978-5-519-75293-0

Сцены из морской жизни

ISBN 978-5-519-75293-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Неожиданное назначеніе.

I.

Въ одинъ сумрачный, ненастный день, въ началѣ октября 186* года, въ гардемаринскую ротуморского кадетскаго корпуса неожиданно вошелъ директоръ, старый, необыкновенно простой и добродушный адмиралъ, котораго кадеты нисколько не боялись, хотя онъ и любилъ иногда прикинуться строгимъ и сердито хмурилъ густыя, нависшія и сѣдыя свои брови, жуя какого-нибудь отчаяннаго шалуна. Но добрый взглядъ маленькихъ выцвѣтшихъ глазъ выдавалъ старика, и онъ никого не пугалъ.

Семена разбитыми ногами, директоръ, въ сопровожденіи поспѣшившаго его встрѣтить дежурнаго офицера, прошелъ въ залу старшаго, выпускнаго класса и, поздоровавшись съ

воспитанниками, ставшими во фронтъ, подошелъ къ одному коротко-остриженному бѣлокурому юнцу съ свѣжимъ, отливавшимъ здоровымъ румянцемъ, жизнерадостнымъ лицомъ, на которомъ, словно угольки, сверкали бойкіе и живые каріе глаза,—и привѣтливо проговорилъ:

— Тебя-то мнѣ и нужно, Ашанинъ.

— Что прикажете, ваше превосходительство?

— Ничего не прикажу, братецъ, а поздравлю. Очень радъ за тебя, очень радъ...

Молодой человѣкъ недоумѣвалъ. Съ чѣмъ поздравляетъ директоръ и чему радуется?

Директоръ шутливо погрозилъ длиннымъ костлявымъ пальцемъ.

— Да ты что прикидываешься, хитрецъ, будто ничего не знаешь, а? Я вотъ сейчасъ получилъ бумагу. По приказанію высшаго морского начальства, ты назначенъ на корветъ «Коршунъ» въ кругосвѣтное плаваніе на три года. Черезъ двѣ недѣли корветъ уходитъ. Ну, что, доволенъ? Кто это за тебя хлопоталъ, что тебя назначили раньше окончанія курса? Рѣдкій примѣръ...

Юноша былъ болѣе изумленъ, чѣмъ обрадованъ, и въ первую минуту рѣшительно не могъ сообразить, ктѣ это ему устроилъ такой сюрпризъ. Самъ онъ и не думалъ о кругосвѣтномъ плаваніи. Напротивъ! Онъ мечталъ послѣ выпуска изъ корпуса поступить въ университетъ и бросить морскую службу, не особенно манившую его. Два лѣтнихъ плаванія въ Финскомъ заливѣ, которыя онъ сдѣлалъ, казались ему не интересными и не пріохотили къ морю. О своихъ планахъ онъ недавно говорилъ съ матерью, и она, добрая, славная, обожавшая своего сына, не препятствовала. Хотя покойный отецъ и былъ морякомъ, но пусть Володя поступаетъ, какъ хочетъ...

И вдругъ—здравствуйте!—всѣ мечты его разбиты, въ жизнь измѣнена. Онъ долженъ итти въ кругосвѣтн плаваніе.

Юное самолюбіе не позволило ему сознаться, что его посылаютъ помимо его желанія, и потому Ашанинъ, оправившись послѣ первой минуты изумленія, поспѣшилъ отвѣтить директору, что онъ «доволенъ, очень доволенъ», но что не знаетъ, кто за него хлопоталъ.

— Вѣрно, дядя твой, почтеннѣйшій Яковъ Ивановичъ! промолвилъ директоръ.

Господи! Какъ это онъ не догадался въ первую же минуту! мелькнуло въ головѣ молодого человѣка.

Разумѣется, это дядюшка-адмиралъ, этотъ старый чудакъ и завзятый морской волкъ, отчаянный деспотъ и крикунъ и въ то же время без-

Директоръ подошелъ къ одному юнцу.

границный добрякъ, жившій одинокимъ холостякомъ вмѣстѣ съ такимъ же, какъ онъ, старикомъ Лаврентьевымъ, отставнымъ матросомъ, въ трехъ маленькихъ комнаткахъ на Васильевскомъ островѣ, сіявшихъ тѣмъ блескомъ и тою безукоризненною чистотой, какія бываютъ только на военномъ кораблѣ,—разумѣется, это онъ удружилъ племяннику... Не даромъ онъ непремѣнно хотѣлъ сдѣлать изъ него моряка.

«Ахъ, дядюшка!» мысленно произнесъ Ашанинъ далеко не ласково.

— Вѣроятно, дядюшка, ваше превосходительство! отвѣчалъ юноша директору.

— Ну, братецъ, черезъ три дня ты долженъ быть въ Кронштадтъ и явиться на корветъ! продолжалъ директоръ.—А теперь иди скорѣй домой, проводи эти дни съ матушкой. Вѣдь на три года разстанетесь... Вѣрно, командиръ корвета тебя еще отпустить... А мы тебя, молодца, снарядимъ. Тебѣ дадутъ все, что слѣдуетъ — и платья и бѣлья казеннаго, цѣлый сундукъ увезешь... А какъ производятъ въ гардемарины ¹⁾, самъ обмундируешься... Ну, пока до свиданія. Смотри, зайди проститься со своимъ директоромъ... Ты хоть и большой былъ «школа» и мы съ тобой, случалось, ссорились, а все-таки, надѣюсь, ты не вспомнишь старика лихомъ! прибавилъ съ чувствомъ директоръ, улыбаясь своею ласковою улыбкой.

Съ этими словами онъ ушелъ.

Многіе товарищи поздравляли Ашанина и называли счастливецомъ. На цѣлые шесть мѣсяцевъ раньше ихъ онъ вырывался на свободу. Гдѣ только не побываетъ? Какихъ странъ не увидитъ! И, главное, не будетъ его болѣе зудить «лукавый паредворецъ», какъ называли кадеты своего ротнаго командира, обращавшаго особенное и едва ли не преимущественное вниманіе на внѣшнюю выправку и хорошія манеры будущихъ моряковъ. Отличавшійся необыкновенною любезностью обращенія — хотя далеко не мягкій человекъ — и вкрадчивостью, онъ за это давно уже получилъ почему-то прозвище «лукаваго паредворца» и не пользовался расположеніемъ кадетъ.

Черезъ четверть часа нашъ «счастливецъ по неволѣ», переодѣвшись въ парадную форму, уже летѣлъ во весь духъ въ подбитой вѣтромъ шинелькѣ и съ неуклюжимъ

¹⁾ Въ тѣ времена по окончаніи курса выпускали не прямо въ мичмана, а на два года въ гардемарины. Жалованье было то же, что мичману.

киверомъ на головѣ на Англійскій проспектъ, гдѣ въ небольшой уютной квартиркѣ третьяго этажа жили самая дорогія для него на свѣтѣ существа: мать, старшая сестра Маруся, братъ Костя, четырнадцатилѣтній гимназистъ, и ветхая старушка-няня Матрена съ большимъ носомъ и крупною бородавкой на морщинистой и старчески-румяной щекѣ.

Ахъ, сколько разъ потомъ въ плаваніи, особенно въ непогоды и штормы, когда корветъ, словно щепку, бросало на разсвирѣпѣвшемъ сѣдомъ океанѣ, палуба убѣгала изъ-подъ ногъ и грозные валы перекатывались черезъ бакъ ¹⁾, готовые смыть неосторожного моряка, — вспоминалъ молодой человекъ съ какою-то особенною жгучею тоской всѣхъ своихъ близкихъ, которые были такъ далеко-далеко. Какъ часто въ такія минуты онъ мысленно переносился въ эту теплую, освѣщенную мягкимъ свѣтомъ висячей лампы, уютную, хорошо знакомую ему столовую съ большими старинными часами на стѣнѣ, съ нѣсколькими гравюрами и старымъ дубовымъ буфетомъ, — гдѣ всѣ въ сборѣ за круглымъ столомъ, на которомъ поетъ свою пѣсенку большой пузатый самоваръ, и, вѣрно, вспоминаютъ своего родного странника по морямъ. И всѣ спокойно сидятъ на неподвижныхъ стульяхъ, а если и встанутъ, то пойдутъ по-человѣчески, по ровному, неподвижному полу, не боясь растянуться со всѣхъ ногъ и не выдѣлывая ногами разныхъ гимнастическихъ движеній для сохраненія равновѣсія. Комната не кружится, ничто въ ней не качается и ничто въ ней не «принайтовлено» ²⁾. Окна большія, а не маленькій, наглухо задраенный (закрытый) иллюминаторъ ³⁾, обмываемый пѣнистою волной. Какъ хорошо въ этой столовой и какъ неудержимо хотѣлось въ такія минуты «трепки» очутиться тамъ!

¹⁾ Бакъ—передняя часть судна.

²⁾ Принайтовить—привязать.

³⁾ Иллюминаторъ—небольшое окно въ каютѣ изъ очень толстаго стекла.

II.

Когда Володя пришелъ домой, всѣ домашніе были въ гостинной.

Мать его, высокая и полная женщина, почти старушка, съ нѣжнымъ и кроткимъ лицомъ, сохранившимъ еще слѣды былой красоты, въ сбившемся, по обыкновенію, чуть-чуть на бокъ черномъ кружевномъ чепцѣ, прикрывавшемъ темные, начинавшіе серебриться волосы, какъ-то особенно горячо и порывисто обняла сына послѣ того, какъ онъ поцѣловалъ эту милую бѣлую руку съ красивыми длинными пальцами, на одномъ изъ которыхъ блестѣли два обручальные кольца. Она, видимо, была разстроена, и ея большіе бархатистые черные глаза были красны отъ слезъ. Хорошенькая Маруся, брюнетка лѣтъ двадцати, съ роскошными косами, обыкновенно веселая и свѣтлая, какъ внешнее утро, была сегодня грустна и задумчива. Костя, долговязый и неуклюжій подростокъ въ гимназической курткѣ, съ торчащими вихрами, глядѣлъ на брата съ какимъ-то боязливымъ почтеніемъ и въ то же время съ грустью. А старая няня Матрена, уже успѣвшая обнять и пожалѣть своего любимца въ прихожей, стояла у дверей простоволосая, понурая и печальная, съ любовно устремленными на Володю маленькими слезящимися глазками.

Одно только лицо въ гостинной совсѣмъ не имѣло скорбнаго вида—напротивъ, скорѣе веселый и довольный.

Это былъ дядюшка-адмиралъ, старшій братъ покойнаго Ашанина, вѣрный другъ и пѣстунъ, и главная поддержка семьи брата—маленькій, низенькій, совсѣмъ сухенькій старичокъ съ гладко выбритымъ морщинистымъ лицомъ, коротко остриженными усами щетинкой и небольшими, необыкновенно еще живыми и пронзительными глазами, глубоко сидящими въ своихъ впадинахъ. Его остроконечная го-

лова, схожая съ грушей, казалась еще острѣе отъ старинной прически, которую онъ носилъ, въ видѣ возвышающагося, словно пѣтушій гребешекъ, кока надъ большимъ открытымъ лбомъ. Онъ былъ въ старенькомъ, потертомъ, но замѣчательно опрятномъ сюртукѣ, застегнутомъ, по тогдашней формѣ, на всѣ пуговицы, — съ двумя черными двуглавыми орлами ¹⁾, вышитыми на золотыхъ погонахъ. Большой крестъ Георгія третьей степени, полученный за Севастополь, бѣлѣлъ на шеѣ, другой — Георгій четвертой степени, маленькій, за 18 морскихъ кампаній — въ петлицѣ.

Заложивъ обѣ руки назадъ и нѣсколько горбя, по привычкѣ моряковъ, спину, онъ ходилъ взадъ и впередъ по гостиной легкою и быстрою походкой, удивительно въ этомъ 65-тилѣтнемъ старикѣ. Во всей его сухой и подвижной фигурѣ чувствовались живучесть, энергія и нетерпѣливость сангвинической натуры. Онъ, по временамъ бросалъ быстрые взгляды на присутствующихъ и, казалось, не обращалъ особеннаго вниманія на ихъ подавленный видъ.

— Вы, конечно, уже знаете, мамаша о моемъ назначеніи?.. Я просто изумленъ! взволнованно проговорилъ Володя.

¹⁾ Два орла означаютъ второй адмиральскій чинъ — чинъ вице-адмирала.

— Сейчас Яковъ Ивановичъ мнѣ сказалъ. И такъ это неожиданно... И такъ скоро уходитъ корветъ! грустно говорила мать, и слезы брызнули изъ глазъ.

Володя направился поздороваться съ дядей, который дарилъ всегда особеннымъ ласковымъ вниманіемъ своего любимца и крестника.

Маленькій адмиралъ круто остановился, стиснулъ руку племянника и, притянувъ его къ себѣ, поцѣловалъ.

— Это вы, дядя, устроили мнѣ такой сюрпризъ?

— А то кто же? Конечно, я! весело отвѣчалъ старикъ, видимо любясь своимъ племянникомъ, очень походившимъ на покойнаго любимаго брата адмирала. — Третьяго дня встрѣтился съ управляющимъ морскимъ министерствомъ, узналъ, что «Коршунъ» идетъ въ дальній вояжъ ¹⁾, и попросилъ... Хотя и не люблю я за родныхъ просить, а за тебя попросилъ... да... Спасибо министру, уважилъ просьбу. И ты, конечно, радъ, Володя?

— Признаться, совсѣмъ даже не радъ, дядя.

— Что!? Какъ? Да ты въ своемъ ли умѣ!? почти крикнулъ адмиралъ, отступая отъ Володи и взглядывая на него своими внезапно загорѣвшими глазками, какъ на чело-вѣка, дѣйствительно лишившагося разсудка. — Тебѣ выпало рѣдкое счастье поплавать смолоду въ океанахъ, сдѣлаться дѣльнымъ и бравымъ офицеромъ и повидать свѣтъ, а ты не радъ... Дядя за него хлопоталъ, а опъ... Не ожидалъ я этого, Володя... Не ожидалъ... Что жъ ты хочешь сухопутнымъ морякомъ быть, что ли?.. У маменьки подъ юбкой все сидѣтъ? презрительно кидалъ онъ.

— Да вы не сердитесь дядя... Позвольте сказать...

— Что еще говорить больше?.. Ужъ ты довольно разодолжилъ. Срамъ! Покорно благодарю!..

Съ этими словами адмиралъ низко поклонился и даже шаркнулъ своею маленькою ножкой и тотчасъ же продолжалъ:

¹⁾ Моряки стараго времени называли кругосвѣтныя плаванія—дальнимъ вояжемъ.